

А.М. ЛЕВИН

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ЭМИГРАЦИИ В ИЗРАИЛЬ: 1988-1992 ГОДЫ

Левин Аркадий Матвеевич — член Российского общества социологов.

За пять лет — с 1982 по 1986 годы — из СССР в Израиль выехало 6961 человек (то есть в среднем по 1393 человека в год), в 1987 число уехавших, по сравнению с 1986 годом, возросло в 1,5 раза, в 1988 — в 1,6 раза, в 1989 — в 8,8 раза, в 1990 — в 133 раза. В этот год выехало 185227 человек. В 1991 году эмиграционный поток несколько уменьшился (147839 человек), а в 1992-ом в Израиль выехало 65093 человека (треть от "пика" 1990 года, но в 46,7 раза больше, чем в 1986 году) [1-7].

Эмиграция 1992 года из новых независимых государств, бывших советских республик, может рассматриваться как выезд из СССР, так как значимые изменения в жизни и ментальности людей, а также в социально-экономическом строе и правовых институтах новых государств произошли либо в конце 1992, либо в начале 1993 года. Кроме того, большинство уехавших в 1992 году из бывшего Советского Союза окончательные решения об эмиграции приняли не позднее ноября-декабря 1991 года, а оформление въездных документов, в частности в Израиль и США, почти в течение всего 1992 года осуществлялось по-прежнему только в Москве, поскольку установление дипломатических отношений с этими странами у новых государств происходило не одновременно.

В статье рассматривается социальный контекст "нормальной эмиграции", то есть эмиграции, не мотивированной экстремальными факторами (репрессиями, войнами, геноцидом, голодом, и т.д.). Однако применять это понятие к условиям бывшего СССР можно только с оговорками, так как мотивационные структуры "первой и второй волн" послевоенной эмиграции были в основном обусловлены политическими и религиозными преследованиями. Это скорее были эмиграции беженские, а не "нормальные".

Эмиграционные настроения

Важнейшей особенностью всей эмиграции периода 1988-1992 годов, объясняющей ее взрывной характер в 1990-1991 годы, была реализация отложенных по разным причинам желаний уехать из СССР у возраставшего от десятилетия к десятилетию количества советских людей.

В большинстве семей потенциальных эмигрантов настроения и желания эмигрировать передавались от взрослых детям как важный элемент семейной атмосферы. Чаще всего это происходило скорее эмоционально, чем рационально или концептуально, но достаточно весомо и действенно. Во многих семьях мало что знали о своих этнических корнях и были знакомы со словом "сионизм" по советским газетам и антисемитским книжкам типа "Осторожно — сионизм!" Иванова или "Фашизм под голубой звездой" Евсеева, издававшихся миллионными тиражами. Эти издания, как ни парадоксально, были первыми "еврейскими университетами" для многих десятков тысяч евреев по паспорту, у которых при знакомстве с содержанием подобных книг возникало острое чувство протеста. Чувствуя клевету и антисемитские подтасовки в текстах этих книжек, они ничего не могли этому противопоставить. Задетые до глубины души, стараясь убедительно разоблачить фальшь, они искали источники серьезных знаний о своем народе, о его реальной, а не искаженной истории.

Эмиграционные настроения усилились с началом гласности. Публикации 1986-1989 годов еще не изменили, по большому счету, саму жизнь и ментальность основной массы населения СССР, но они очистили сознание многих потенциальных эмигрантов от иррациональных, плохо осознаваемых ими остатков коммунистических мифов и заставили многих ясно и трезво осознать, в какой стране они жили. Это не могло не вызвать у большинства еврейского населения СССР острейшей реакции отторжения, которая дала потенциальным эмигрантам дополнительный импульс, толчок к серьезным мыслям об эмиграции, об их реальном, а не только воображаемом выезде из страны.

Большая часть потенциальных эмигрантов руководствовались романтическим порывом, не всегда осознанным стремлением начать все сначала и испробовать "черновой вариант" своей жизни.

Сохраняющееся в течение многих лет желание эмигрировать можно также интерпретировать как состояние "внутренней эмиграции", как тихое, латентное диссидентство. Это можно проиллюстрировать на примере движения "отказников"¹, существовавшего в социально активной форме до 1988-1989 годов². Отказники, как и другие потенциальные эмигранты, хотели поскорее уехать, однако, постоянно получая отказы и будучи уволенными со всех работ, потеряв свои должности, а очень часто и средства на жизнь, они были вынуждены бороться с советским режимом за свое право эмигрировать, что автоматически делало их активными диссидентами. Их деятельность не была каким-либо образом централизована либо скоординирована, а естественно сложилась как общинно-групповая. Отказников искренне уважали, им сочувствовали и помогали. Основными формами протеста и борьбы были письменные обращения к советским властям всех рангов, к советским и мировым общественно-политическим деятелям, к советской и мировой прессе, к западным правозащитным организациям. Проводились голодовки, сидячие демонстрации. Часто отказники действовали совместно с правозащитными организациями на территории СССР. Они боролись не только за право на эмиграцию для любого советского человека, но и за право еврейского населения СССР иметь свою культуру. Они занимались преподаванием языка иврит, традиций и Священного писания, изданием и распространением самиздатской литературы, как правило, национально-просветительского содержания (учебники и словари языка иврит, книги по истории еврейского народа, Священное писание и т.д.). В те времена за это, как за антисоветскую деятельность, осуждали на 10 лет лишения свободы. Своей просветительской работой они положили начало процессу еврейского национально-культурного возрождения на территориях бывшего СССР, а их противостояние режиму сильно влияло на потенциальных эмигрантов.

Поскольку отказниками и диссидентами одни потенциальные эмигранты становились по воле случая, а другие, например, из-за работы в "закрытых организациях", то в целом их можно рассматривать как некоторую выборку. Антирежимные позиции и социальная активность отказников отражали мысли и позиции большинства потенциальных эмигрантов того времени. Различие между ними и остальными потенциальными эмигрантами заключалось только в степени и "стилистике" социальных проявлений.

С другой стороны, когда после 1987 года появилась возможность легально эмигрировать, часть еврейского населения как бы "заразилась желанием выезда", будучи мотивирована, наряду с другими факторами, также и самой возможностью выезда, а после 1989 года и опасностью потерять эту возможность.

На увеличение год от года количества потенциальных эмигрантов существенно влияли выехавшие в Израиль и США. Они создавали поле сильного притяжения для своих родственников, друзей или знакомых. Например, если эмигрировал уважаемый в городе человек (уважаемый за ум, за умение жить, ладить с советским начальством и т.д.), то многие, вполне благополучные люди, не помышлявшие до этого ни о какой эмиграции, теряли покой. Привычная им жизнь как бы обесценивалась и теряла прежний смысл по сравнению с создававшимся их воображением картинами западной жизни и "процветании там" их знакомых. У них появлялось желание быть не хуже и тоже эмигрировать.

К концу 1989 года количество уже выехавших, готовящихся к отъезду, а также людей, получивших вызовы³, оказалось достаточно велико⁴, чтобы влиять практически на все население регионов выезда. Разговоры об эмиграции вообще и об эмиграции в Израиль, в частности, стали для большинства еврейских семей обертоном их духовной жизни. Они были одновременно и модой, и интересной темой, и печальной необходимостью. Это выводило из душевного равновесия многих, до того нейтральных, "дремавших" людей,

¹ Отказники — это часть потенциальных эмигрантов, которым ОВИР, как правило, незаконно отказывал в выезде из СССР, то есть препятствовал им в реализации их международно признанного (по Хельсинским соглашениям, в том числе и СССР) права на эмиграцию из страны либо возвращению в нее.

² К концу 1989 года почти всем отказникам был разрешен выезд.

³ Вызов — это гарантированное от имени Министра иностранных дел Израиля разрешение на въезд конкретного лица в Израиль в качестве иммигранта.

⁴ По данным израильского иммиграционного агентства "Сохнут", в СССР более миллиона человек имели вызовы из Израиля.

заражало их беспокойством или желанием эмигрировать. Считалось даже неприличным говорить в компании об отсутствии намерений куда-либо уехать. Это было время, когда люди собирались на консультации по вопросам выезда либо на лекцию об Израиле в не меньших, если не больших количествах, чем на престижные концерты или спектакли. Интерес и зависть вызывали даже советские граждане, каким-либо образом сумевшие побывать в Израиле.

Как факторы социального контекста эти разговоры и мысли, при всей условности их воздействия, все же побуждали большинство задумывавшихся о выезде из СССР начать, на всякий случай, изучать иврит, а также получить хотя бы элементарное представление об истории и культуре своего народа. При отсутствии у людей этнонационального самосознания разговоры об Израиле и эмиграции в какой-то мере выполняли его функцию, вызывали, пусть иллюзорное, чувство некоторого приобщения к национальной жизни. Это, а также постоянное стремление части советских евреев к этно-культурному возрождению, которое должно было наполнить положительным содержанием их формальную принадлежность к евреям, были важными источниками эмиграционных настроений. К этому же можно отнести и разные формы проявления среди потенциальных эмигрантов сионистской идеологии.

Одновременно с этими процессами формировался групповой, точнее, партикулярно-корпоративный антисемитизм, вызывая удивление и недоумение от своего "неожиданного" появления на телевидении и в прессе, а также непонятной терпимости к нему властей. Сам факт его появления и длительного существования вызывал у многих людей беспокоящие предположения либо о слабости властей, либо об извращенном понимании ими принципа плюрализма, либо о тайном их сообщничестве с антисемитами. "Новый антисемитизм" публично проявлял себя в бесчисленных газетно-журнальных истериках, осквернении еврейских кладбищ, оскорбительных надписях и плакатах на улицах, а также слухах о назначенных на конкретные даты еврейских погромах, которые "компетентным органам" неизменно "удавалось" предотвратить. Однако негативное влияние антисемитских обществ и группировок на все население СССР, в том числе и евреев, не было настолько значительным, чтобы сыграть решающую роль в стимулировании как мощной волны антисемитских настроений, так и крупномасштабной еврейской эмиграции.

Л.Гудков и А.Левинсон отмечали, что "выплеснувшаяся антисемитская пропаганда, каковы бы ни были ожидания с разных сторон, не имела особого отклика у широких слоев населения СССР. Своё общее отношение к евреям охарактеризовали как "в целом положительное" 60% опрошенных, как "в целом отрицательное" — 13%; затруднились ответить 26% [8]. Такие же выводы были сделаны Дж.Гибсон и Р.Даш, проводивших в 1987-1990 годы опросы по Московскому региону. С выводами своих коллег был также согласен и Ц.Гительман [9]. По данным наших опросов 1991-1992 годов⁵, антисемитские проявления в период, предшествовавший принятию решения о выезде, практически совсем не влияли на 24,7% опрошенных эмигрантов, влияли слабо — на 28,0%, умеренно — на 32,0%, сильно — на 10,5%, очень сильно — на 2,6% респондентов. Однако угрозой роста антисемитизма в ближайшем будущем были обеспокоены, в том числе сильно и очень сильно, 74,6% респондентов.

Таблица 1

Ожидания ухудшения жизни в СССР: средние оценки и уровень обеспокоенности эмигрантов, %

Области негативных ожиданий	Степень обеспокоенности			
	Средние оценки	Высокая	Средняя	Низкая
Медицина	3,00	64,4	28,6	7,0
Преступность	2,95	63,4	30,8	5,8
Уровень жизни	2,68	54,4	38,2	7,4
Экология	2,64	55,4	33,0	11,6
Антисемитизм	2,19	37,2	37,4	25,4

⁵ С июля 1991 по июль 1992 года были опрошены 503 эмигранта в Израиль из 15 республик, 100 областей, 138 городов бывшего Союза. Структура выборки пропорционально отражала доли еврейского населения каждой из 15 республик СССР по отношению к общей численности еврейского населения на 1990 год.

Политический режим	2,14	33,2	44,3	22,4
Всего	2.60	51,3	35.4	13,3

Результаты многих, в том числе и наших, исследований показывают, что, как мотивационный фактор, антисемитизм не занимал ведущего места в числе причин эмиграции из СССР (табл. 1). Так оценили осознаваемую ими степень его влияния реальные эмигранты, находясь под шокowym воздействием резкого ухудшения других сторон жизни, что в ряде случаев свидетельствует скорее о мотивах беженской эмиграции. Например, рост всех видов уголовной преступности, ухудшение медицинского обслуживания и почти полное отсутствие в то время в аптеках и больницах жизненно важных лекарств казались людям значительно более грозными, чем антисемитские проявления или возможная смена власти. Так как разного рода антиеврейские проявления были им "традиционно знакомы", то в "беспогромном варианте" шока не вызывали, хотя крайне возмущали. Влияние антисемитизма всех предшествующих десятилетий на предэмиграционную обеспокоенность выражалось в том, что, хотя только 13% респондентов считали, что антиеврейские настроения значительно отравляли им жизнь, угрозой усиления таких настроений были обеспокоены 37% опрошенных. Поэтому следует признать, что фактор антисемитизма был одним из доминирующих среди мотивов эмиграции.

Резкое увеличение объема эмиграции в 1989-1991 годах, превратившееся в "третью волну", трудно объяснить перебоями и спадами в экономике СССР, которые были всем привычны. Реальное ухудшение экономики СССР началось только после сентября 1991 года, как раз тогда, когда количество эмигрантов стало постепенно уменьшаться. Если бы экономический спад конца 1991 года серьезно влиял на еврейское население СССР, то, согласно теории Е.Ли ("увеличение объема миграции является функцией изменений в экономике" [10]), по меньшей мере, не было бы спада эмиграции. Влияние экономических факторов на желание эмигрировать было незначительным, мотивационно слабым. По "экономическим соображениям" потенциальные эмигранты скорее оставались, чем уезжали, особенно в период начавшейся экономической и политической либерализации. Например, большинство наших респондентов полагали, что в Израиле они, скорее всего, не будут "иметь всего того, чем владели в Союзе".

Экологический фактор уже с 1986-1987 годов стал непосредственно движущим для сотен тысяч беженцев, выталкивающим их из районов уже произошедших катастроф. К 1990 году количество "регионов экокатастроф, отдельные из которых не имели равных в мире: Чернобыль, Приаралье, промзоны Урала, Кузбасса, Усть-Каменогорска, Московского региона и др." [11], увеличилось до двадцати. Поэтому угроза повторения больших и малых производственных и военных катастроф представлялась здравомыслящим людям вполне вероятной. Это не могло не беспокоить потенциальных эмигрантов независимо от реальной экологической обстановки регионов их проживания. Только к концу 1989 года население смогло узнать что-то более или менее правдивое о состоянии окружающей среды.

Не менее весомо действовали на восприятие жизни захлапленное, антисанитарное состояние домов, дворов и мест общественного пользования, всевозможные и повсеместные акты вандализма (изничтожение растительности и построек в парках и скверах, таксофонов, салонов общественного транспорта и т.д.). Множество бездомных, пьяниц, аферистов заволокли в больших городах, особенно в Москве и Петербурге, вокзалы, аэропорты, подземные переходы. Все это вызывало у потенциальных эмигрантов серьезные опасения за свое и детей здоровье и жизнь.

Потоки выехавших из СССР по израильским визам в 1988-1990 и в 1990-1992 годы составляли единую волну из одной и той же по своей сути среды обитания с практически одинаковыми "выталкивающими" характеристиками и общими типами мотивации. Но социальные контексты этих потоков уже отличало то, что можно было бы условно назвать "притягивающим остаться". Это была, во-первых, либерализация в экономике и общественной жизни, открывшая для всех, в том числе и для ранее дискриминируемой части населения, широчайшее поле деятельности во всех без исключения государственных и альтернативных организациях. Во-вторых, практически исчез государственный антисемитизм. К 1990 году государство перестало "вычислять" процент еврейских по паспорту работников, и все связанные с этим ограничения начали ослабевать. В-третьих, в СССР возникла легальная еврейская общественная жизнь. В

стране появилось более 204 культурно-просветительских обществ, религиозных общин и организаций, которые в декабре 1989 года организовались в систему с выборным советом.

Все это качественно отличало социальные контексты эмиграции "третьей волны", особенно ее потока 1990-1992 годов, от всех предшествовавших, что поначалу хотя и не уменьшало желаний эмигрировать, все же сдерживало некоторых в принятии такого решения.

Принятие решения

Открытие в 1987 году "дверей" для эмиграции по национальным визам⁶, а также восприятие этого большинством потенциальных эмигрантов как "очередной милости властей", значительно ускорили принятие ими решения — побыстрее выехать из СССР. Изменения в стране до августовского путча

1991 года воспринимались основной массой населения, в том числе и еврейского, как достаточно поверхностные, как "игры в демократию", которые в любой момент могут закончиться.

Социальные контексты эмиграционных потоков 1988-1989 и 1990-1992 годов различались как выбором страны въезда, так и возможностями реализации принятых решений. Для большинства из потока эмигрантов 1990-1992 годов выбор страны постоянного жительства уменьшился до альтернативы "Израиль или СССР"⁷, но значительно облегчился выезд из страны.

После того, как в октябре 1989 года правительство США ввело новые правила иммиграции, отменившие возможность получения иммиграционной визы и въезда из "третьих стран", а Австрия и Италия отказались быть такими "третьими", транзитными странами, эмигрантские пути-дороги выпрямились: с израильской визой можно было прибыть только в Израиль, с американской — только в США и т.д.

Изменения не остановили и не уменьшили эмиграцию из СССР, более того, повернули в Израиль подавляющее большинство условно еврейских семей, не имевших прямых родственников в США, но твердо решивших эмигрировать. Жесткие ограничения на въезд, хотя и с американско-канадской стороны, подтвердили, что худшие опасения потенциальных эмигрантов ("перестанут выпускать") не были надуманными. Поэтому они с утроенной энергией спешили выехать из страны, пусть даже и не туда, куда бы им хотелось. Не появившись такое препятствие, многие из этих семей, возможно, старались бы попасть в США или Канаду не потому, что были принципиально настроены против Израиля, а по инерции, подражая другим, находясь под влиянием равно далеких от реальности чрезмерно позитивных либо негативных представлений об этих странах.

Позитивные представления об Израиле сформировались и начали доминировать в сознании большинства советских людей к концу 1980-х годов. Этому способствовала вся предшествующая годам перестройки советская антиизраильская пропаганда, которая, создавая образ агрессивного милитаристского государства, разрушила в сознании большинства советского населения стереотип Израиля как слабой, восточного типа страны. Вместе с тем ставшая доступной позитивная информация способствовала распространению образа страны, "текущей молоком и медом", с сильнейшей на Ближнем Востоке армией, развивающейся экономикой и западным уровнем жизни. Израиль представлялся страной, где "каждый полностью сможет реализовать свои таланты и способности", где "отсутствует бюрократизм и наблюдается безразличие к идеологии", где "детям эмигрантов будет лучше всего" [12]. Под влиянием подобных представлений многие из потенциальных эмигрантов, которые хотели полнее реализовать свои жизненные планы или приобщиться к "настоящей еврейской жизни", решали, что это можно сделать только в Израиле. Так у 52,9% опрошенных нами эмигрантов оценки степени возможной реализации в Израиле их планов и желаний были выше оценок степени самореализации в СССР. Будущая жизнь в Израиле представлялась им достаточно оптимистично и романтично, как раз в духе еще имевших (до 1991 года) значительное влияние футуристических образов, характерных для эмигрантов "первой и второй волн". Как им казалось, страна нуждалась в их созидательных силах. Позитивные же представления об Израиле у 37% опрошенных были более реалистичны и адекватны.

⁶ Была легально разрешена эмиграция из СССР грекам, евреям и немцам.

⁷ Хотя с 1990 года для советских евреев появилась возможность легально эмигрировать в Германию, в эту страну пожелали выехать немногие. Например, в 1990 году туда эмигрировало 5000 человек.

Принимая решение, потенциальные эмигранты этой категории думали уже не столько о созидании страны, сколько о том, как суметь участвовать в ее жизни, как "не потерять себя" и т.д. Это были решения, принятые на основе доступной и правдивой информации.

К середине 1990 года большинством потенциальных эмигрантов с Израилем связывались и негативные ожидания, основанные уже на вызывающей доверие информации. Например, доступная нашим респондентам информация, содержащаяся в письмах из Израиля 1989-1991 годов, обобщенно оценивалась 32% из них как в основном положительная, как сообщавшая в равной мере и о хорошем и о плохом — 59,8%, как в основном отрицательная — 6%. При этом получили советы "ехать" 33,8% опрошенных, "решать все самим" — 52,7%, "не ехать, оставаться" — 11,5%. Это сопоставимо с данными опроса, проведенного в Израиле Институтом изучения общественного мнения "Тацит" в июне 1991 года: 32,4% опрошенных советовали своим родственникам и друзьям в СССР эмигрировать в Израиль [13].

По результатам нашего исследования можно оценить, в какой мере влияли на принятие респондентами окончательных решений об эмиграции негативные ожидания или представления об Израиле (табл. 2).

Таблица 2.

Негативные представления об Израиле: средние оценки и уровень обеспокоенности эмигрантов, %.

Области	Средние оценки	Степень обеспокоенности		
		Высокая	Средняя	Низкая
негативных ожиданий				
Трудоустройство	1,85	26,4	40,4	33,2
Проблемы жилья	1,77	23,9	41,0	35,2
Бюрократизм	1,28	11,4	31,2	57,5
Терроризм	1,27	6,2	44,9	48,9
Уровень жизни	1,15	9,2	30,2	60,6
Арабо-израильская война	1,09	9,6	28,2	62,2
Всего	1,40	14,4	36,0	49,6

Сопоставление данных, приведенных в табл. 1 и 2, показывает, что средняя оценка общей обеспокоенности относительно негативных ожиданий в СССР превышала соответствующую оценку по Израилю почти в два раза. У 91% респондентов общие оценки их обеспокоенности жизнью в СССР были выше оценок их обеспокоенности негативными ожиданиями по Израилю, у 1,0% они были равны, а у 8% опрошенных оценки общей обеспокоенности по Израилю были выше. Следовательно, негативная информация по Израилю, как со ставная часть социального контекста жизни в СССР, могла "тормозить" принятие окончательного решения выехать в Израиль только у 8% потенциальных эмигрантов.

Выезд

До 1987-1989 годов накопленная энергия эмиграционных настроений сдерживалась целой системой советских бюрократических препятствий и незаконных ограничений, которые являлись важными факторами всего контекста советского существования. Их сдерживающее влияние на практическую реализацию принятого решения многократно усиливалось известной всем желающим эмигрировать информацией о фактической процедуре прохождения таможенного контроля, которая была системой произвола, грабительских вымогательств и издевательств. Все это происходило на фоне традиционно-ритуального в те годы остракизма лиц, заявлявших о своем желании выехать из СССР.

Необходимо отметить, что эмиграция была, как правило, выгодна властям, так как до приватизации жилья способствовала увеличению резерва жилого фонда местных советов, увеличивала число вакантных должностей для "нужных кадров" и т.д. Об "утечке умов" власти беспокоились меньше всего.

На фоне такой изначальной "благорасположенности" к началу 1990 года произошло

существенное облегчение всей "технологии" выезда: упростились требования ОВИР, увеличилось число "дорог" из страны, появились чартерные, а со второй половины 1991 года и регулярные прямые авиарейсы в Израиль. Образовывались всевозможные кооперативы, которые помогали быстрее оформить документы, доставить на таможенную багаж, облегчить его прохождение, приобрести билеты и выехать.

С июля 1991 года, когда эмигрирующим в Израиль начали выдавать советские загранпаспорта, которых раньше незаконно не выдавали, резко ускорилось оформление ОВИРа паспортов и виз. Например, в 1991 году средний срок такого оформления составлял 4,5 месяца. Все это переориентировало многие еврейские семьи из числа желавших переехать в другой город внутри страны на эмиграцию, как на более простое и радикальное средство избавления от региональных советских проблем. Основываясь на данных наших опросов, можно предположить, что в эмиграционных потоках 1989-1992 годов доля таких переориентированных мигрантов составляла примерно 20%.

К началу 1990 года население страны привыкло к массовой эмиграции евреев, немцев и греков. Остракизм по отношению к уезжавшим практически исчез. Эти изменения были также зафиксированы в опросах ВЦИОМ [8].

Понимание того, что возможность выехать из СССР стала социальной ценностью, возвышало часть потенциальных эмигрантов в их собственных глазах, повышало их человеческое достоинство, помогало некоторым самоутвердиться. Может быть, впервые их "социальный минус" (еврейская этничность/национальность) вдруг начал превращаться в плюс. С учетом того, что практически каждый человек, относящий себя или относимый кем-то к еврейскому или "околоеврейскому" населению, вынужден был самоопределиться в своей этнической принадлежности, отношении к Израилю, эмиграции, СССР и другим вопросам этого комплекса, следует признать, что эта социальная ценность — возможность эмигрировать в Израиль — хотя и временно, но выполняла функцию позитивного национально формирующего фактора.

Ослабление всей группы препятствовавших эмиграции факторов, значительное облегчение и ускорение выезда привели к резкому, взрывообразному увеличению числа выехавших. Это в какой-то степени уменьшало опасения, что "дверь вот-вот снова захлопнется". Поскольку уменьшалась необходимость "ловить момент", часть потенциальных эмигрантов позволяла себе расслабиться и даже повременить с получением загранпаспорта или подачей документов в ОВИР. Другая часть по тем же причинам находилась в сложном и противоречивом состоянии, называвшемся "сидением на чемоданах".

Это своеобразное психологическое состояние между реальным "здесь" и воображаемым, идеализированным, но уже достижимым "там" создавало между человеком и социальным контекстом его жизни некоторую дистанцию, которая смягчала или вовсе блокировала проблемы и тревоги, ранее вызывавшие желание эмигрировать. Такое состояние снижало активность действий и приводило к значительным задержкам с выездом, а в некоторых случаях — и вовсе к желанию остаться. Этим можно объяснить, что примерно 19% потенциальных эмигрантов после получения вызова и принятия окончательного решения эмигрировать только через год и более начинали предпринимать практические действия по его реализации.

* * *

Изменения социального контекста "третьей волны" эмиграции, по сравнению со второй и первой, произошли во всех группах факторов, влиявших и на само желание эмигрировать, и на принятие решения, и на его реализацию. Они отличались не только большим информационно-энергетическим воздействием на потенциальных эмигрантов, но и по своей сути и структуре.

Информационная либерализация открыла людям глаза на их прошлую и настоящую жизнь и тем самым дала толчок колеблющимся принять решение, а политическая либерализация открыла дорогу большой эмиграции, значительно упростив правила и процедуры выезда, воплощая на практике ожидавшиеся потенциальными эмигрантами "лучшие времена". Тогда же впервые возникли и в достаточной мере проявились к концу 1991 года новые стороны жизни, побуждавшие остаться в своей стране.

Легальное возникновение и развитие с конца 1980-х годов еврейской общественной жизни давало объективную возможность присоединиться к движению за возрождение еврейской культуры в СССР либо эмигрировать более информационно подготовленными,

чем это было ранее.

В результате "третья волна" лишь в незначительной степени имела характер и психологию беженства вообще и политического, в частности, что принципиально отличало ее от всех предыдущих. Поэтому можно утверждать, что только "третья волна" эмиграции имеет основания называться "нормальной" и для значительной части эмигрантов национально мотивированной.

Сам же процесс эмиграции из СССР, стремительно и легально развиваясь и распространяя свое влияние на все большее число людей, к 1990 году стал органичной частью советского социального контекста, тем самым оказывая еще более сильное и разнообразное влияние на все население страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Riss E. Spatial patterns of Jewish emigration from the USSR, 1976-1988 // *Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe*. 1989. N 13. P. 5-13.
2. Florsheim Y. Emigration of Jews from the Soviet Union in 1988 // *Jews and Jewish topics in the Soviet Union and Eastern Europe*. 1989. N 9. P. 30-34.
3. Florsheim Y. Emigration of Jews from the Soviet Union in 1989 // *Jews and Jewish topics in the Soviet Union and Eastern Europe*. 1990. N 12. P. 26; *Statistical Abstract of Israel*. 1991. N 42. P. 172.
4. Florsheim Y. Immigration to Israel from the Soviet Union in 1990 // *Jews and Jewish topics in the Soviet Union and Eastern Europe*. 1991. N 15. P. 5-14.
5. Florsheim Y. Immigration to Israel from the Soviet Union in 1991 // *Jews and Jewish topics in the Soviet Union and Eastern Europe*. 1992. N 19. P. 5-15.
6. Florsheim Y. Jewish Immigration to Israel and the United States from the Former Soviet Union, 1992 // *Jews in Eastern Europe*. Winter, 1993. N 3 (22). P. 31,39.
7. DellaPergola S. The demographic context of Soviet Aliya // *Jews and Jewish topics in the Soviet Union and Eastern Europe*. Winter, 1991. N 3 (16). P. 45, 54.
8. Гудков Л., Левинсон А. Отношение населения СССР к евреям // *Вестник Еврейского университета в Москве*. 1992. № 1. С. 8, 36, 40.
9. Gitelman Z. Glasnost, perestroika, and antisemitism // *Foreign Affairs*. 1991, P. 156.
10. Lee E.S. A Theory of migration // *Migration* / Ed. by J.A.Jackson. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. P. 288.
11. Круть ИВ. Экологические коллизии России // *Вопросы философии*. 1995. №3. С. 62,63.
12. Воронель А. Алия интеллигенции из России // *И остался Иаков один*. Иерусалим: Изд-во "Москва-Иерусалим", 1991. С. 102, 104, 108.
13. *Время*. Иерусалим. 1991. 12 июля.